

© 2015 г.

**Е.В. СИРОТКИНА**

## **МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРО-ВЕНГРИИ ЭРЕНТАЛЬ И БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908–1909 годов**

В результате Боснийского кризиса 1908–1909 гг. отношения России и Австро-Венгрии обострились до предела, а о министре иностранных дел Дунайской монархии бароне А. фон Эрентале в России отзывались резко критически. До сих пор в нашей стране об Эрентале пишут как об “обманщике”, “интригане”, “коварном противнике”<sup>1</sup>. Однако Эренталь, долгие годы живший в России, в Австро-Венгрии имел репутацию “русофила”. Кем же на самом деле был Эренталь – самонадеянным русофобом-авантюристом, чьи безрассудные действия в конечном итоге привели монархию Габсбургов на порог войны с Россией, или решительным политиком и умелым дипломатом, который последовательно защищал интересы своей страны и добыл для нее в 1908–1909 гг. крупную дипломатическую победу?

Барон (с 1909 г. – граф) Алоис Лекса фон Эренталь родился 27 сентября 1854 г. в замке Гросскаль в Богемии. Он был вторым сыном барона Иоганна Лекса Эренталья, немецко-богемского помещика, и его супруги – представительницы знатного богемского рода Тун-Гогенштайнов. Сразу после завершения юридического образования в университетах Бонна и Праги Эренталь начал дипломатическую карьеру в качестве атташе в Париже. В 1878 г. он был переведен в Санкт-Петербург, где вскоре благодаря своим способностям и деловым качествам обратил на себя внимание посла Г. Кальноки, который в дальнейшем стал его другом, наставником и благодетелем. После своего назначения в 1881 г. министром иностранных дел Австро-Венгрии Кальноки сделал Эренталья своим помощником. В министерстве иностранных дел в Вене Эренталь прослужил с 1883 по 1888 г., курируя важнейшие вопросы внешней политики Австро-Венгрии, связанные с Россией и Балканами.

Эренталь приобрел известность пророссийски настроенного политика. Вопреки доминировавшему в Вене прогерманскому курсу он был убежден, что Австро-Венгрии необходимо поддерживать тесные контакты с Россией. При этом Санкт-Петербург должен был выступать в качестве противовеса чрезмерной зависимости Вены от Берлина. Но в Австро-Венгрии у Эренталья оказалось немного сторонников, о чем свидетельствовала его переписка с дипломатом Р. Цвидинеком.

12–15 августа 1889 г. состоялся визит императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I в Берлин, в ходе которого обсуждались международные проблемы. Цвидинеке в письме

---

*Сироткина Евгения Викторовна* – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

<sup>1</sup> *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. М., 1961; История дипломатии, т. II. М., 1963; *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997; *Шарый А., Шимов А.* Корни и корона: очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2011; *Мультатули П.В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М., 2012.

Эренталю от 15 августа 1889 г. так прокомментировал состоявшиеся переговоры: “О ходе встречи двух императоров в Берлине у нас здесь пока известно не больше, чем об этом можно прочесть в газетах. Несомненно, там, особенно с германской стороны, всячески подчеркивается военная ценность союза. Если только я сумел правильно интерпретировать одно из положений вашего письма, вас беспокоит, что в Берлине намеренно раздувают раздор между нами и Россией, чтобы таким образом сделать невозможным взаимопонимание между нами. Должен заметить, что в этом отношении я в целом не разделяю ваших взглядов, впрочем, возможно, я заблуждаюсь. И все же, мне кажется, что союз с Германией уже сослужил нам существенную службу, так как без него мы или были бы вынуждены уступить Балканы русским, или мы бы уже находились с ними в состоянии войны. Возможно, я ошибаюсь, но, тем не менее, я убежден, что Россия с самого начала имела своей целью всячески препятствовать самостоятельному государственному развитию этой нации (болгарской. – *Е.С.*) – в то время как для нас важнее всего, чтобы независимая Болгария продолжала оставаться противовесом против успешного претворения панславянских и великосербских планов. И так как эти противоречия до сих пор не преодолены, я не верю, что был бы возможен даже *modus vivendi*<sup>2</sup> между нами и Россией, без подготовки нами этой в какой-то мере будущей базы для нападения”<sup>3</sup>.

В письме к Эренталю от 10 октября 1889 г. Цвидинек продолжал развивать тему австрийско-германских и австрийско-российских отношений: “Ваша точка зрения о том, что нам в наших отношениях с Россией необходимо отказаться от практики во всем придерживаться германского влияния, дала мне материал для самых серьезных размышлений. Совершенно справедливо, что наши интересы совпадают не во всех без исключения направлениях с Германией – и наоборот – исходя из этого, мы всегда должны быть осмотрительны в политике использования союзнических отношений ради одной лишь милости нашего союзника”<sup>4</sup>.

Тяжелая болезнь вынудила австро-венгерского посла в России барона А. фон Волькенштейна на длительное время оставить свой пост, а Эренталь получил назначение на пост первого советника посольства в Санкт-Петербурге (1888–1894 гг.). Через шесть лет он вернулся в Вену, где в качестве правой руки Кальноки добился своего признания как эксперта по России. В мае 1895 г., после отставки Кальноки с поста министра иностранных дел, Эренталь был отправлен посланником в Румынию (1895–1896 гг.), а затем получил назначение на должность посла Австро-Венгрии в России (1899–1906 гг.).

За семь лет пребывания в России Эренталь сумел хорошо выучить русский язык, серьезно изучил русскую литературу и считался в Вене знатоком всего русского. Эренталь сумел завоевать симпатии царского двора и самого императора Николая II. Эренталь питал искренний интерес к России; он был убежден, что Австро-Венгрия и Россия могут и должны сотрудничать. Б. фон Бюлов, в 1900–1909 гг. занимавший пост канцлера Германской империи, писал в 1906 г. своему императору Вильгельму II, что «многие при австрийском дворе и особенно барон Эренталь по-прежнему считают “Союз трех императоров” своим политическим идеалом»<sup>5</sup>.

В обстановке обострения международных отношений в конце 1906 г. в Австро-Венгрии разразился министерский кризис. Вследствие постоянных нападок венгерских депутатов в делегациях и острой критики со стороны венгерской прессы прежний глава министерства иностранных дел А. Голуховский принял решение 22 октября 1906 г. подать в отставку. Два дня спустя его преемником стал Эренталь. “Воистину

<sup>2</sup> Временное соглашение.

<sup>3</sup> Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur Österreichisch-Ungarische Innen- und Außenpolitik. 1885–1912, T. 1. Graz, 1994, S. 35.

<sup>4</sup> Ibid., S. 36.

<sup>5</sup> Die große Politik der europäischen Kabinette. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 22. Die österreichisch-russische Entente und Balkan. 1904–1907. Berlin, 1925, S. 50–51.

тяжелое решение в наших отчаянных обстоятельствах принимать наследство Голуховского, – так оценивал это назначение своего племянника граф Ф. Тун. – Но как же невыразимо труден твой пост: ты должен представлять общность, сохранять достойные уважения величие и престиж Габсбургской империи, но как же печально выглядит теперь эта общность, как много за последнее время из всего этого было принесено в жертву”<sup>6</sup>.

24 октября 1906 г. Эренталь писал матери: “Твой старший сын пойман старым императором. Не остается ничего другого, как надеяться на Бога и выполнять свои обязанности”<sup>7</sup>. На следующий день Эренталем было написано еще одно письмо, на этот раз наследнику австро-венгерского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду, в котором он говорил о своей “патриотической жертве”: “Принимая предложение, я должен был выдерживать трудную борьбу со своей совестью и своими убеждениями. Быть наследником Голуховского – бесконечно тяжкое бремя. Лишь будучи преданным слугой Его Величества, я принес эту патриотическую жертву, и мной как верным слугой заполнили брешь в надежде, возможно, еще сохранить status quo и задержать дальнейшее соскальзывание по наклонной плоскости”<sup>8</sup>.

Первые годы пребывания Эренталья на посту министра иностранных дел Дунайской монархии были относительно спокойными. В 1906–1908 гг. все еще сохранялись мирные договоренности, достигнутые между империями Габсбургов и Романовых относительно Балкан. Консервативные монархические взгляды Эренталья привели его к убеждению, что для сохранения стабильного международного положения империи Габсбургов необходимо сохранять тесные дружеские связи с Россией; “как убежденный сторонник легитимизма, он разделял тревогу консервативных кругов России, которые видели как в социалистических происках, так и в панславизме разрушительную силу”<sup>9</sup>.

Эренталь в инструкции новому послу в России графу Л. Берхтольду писал, что отношения Австро-Венгрии с Россией необходимо рассматривать с двух позиций: с точки зрения проведения охранительной политики в Центральной Европе и через призму Балканского вопроса. В Центральной Европе, по мнению Эренталья, Австрию и Россию объединяли общие интересы. “Первостепенное значение здесь, – подчеркивал Эренталь, – занимает солидарность монархических интересов Австро-Венгрии, России и Германии в деле общей защиты от социально-революционной волны, которая ныне угрожает затопить с востока Европу”. Связывал три монархии и “польский вопрос”: польские земли входили в состав трех империй. Австро-Венгрия, Германия и Россия опасались превращения “польского вопроса” из внутривнутриполитического в международный. В позициях Вены, Берлина и Санкт-Петербурга существовала общность взглядов по вопросу о разоружении, продемонстрированная ими на Гаагской конференции<sup>10</sup>.

Эренталь не обманывался насчет возможности легко восстановить союз Вены и Санкт-Петербурга. “У меня нет никаких иллюзий, – писал он, – относительно того, что император Николай – это лишь легко поддающийся влиянию и колеблющийся правитель; что господин Извольский (министр иностранных дел России. – Е.С.) имеет склонность к проведению дружественной политики в отношении Англии и что растерянные либеральствующие и заигрывающие с панславизмом придворные круги вновь могут всплыть на поверхность. Но все же хотелось бы со всеми предосторожностями, самым внимательным образом иметь в виду желательность дальнейшей консолидации

<sup>6</sup> Цит. по: *Skřivan A. Aehrenthal – das Profil eines österreichischen Staatsmanns und Diplomaten alter Schule. – Prague Papers on the History of International Relations. Prag–Wien, 2007, S. 179.*

<sup>7</sup> Alois Aehrenthal an seine Mutter. Wien, 24. 10. 1906. – *Die Aehrenthals. Eine Familie in ihrer Korrespondenz. 1872–1911. Bd. 2 (1896–1911). Wien–Köln–Weimar, 2002, S. 915.*

<sup>8</sup> Aus dem Nachlaß Aehrenthal, S. 410411.

<sup>9</sup> *Hatsch H. Außenminister Alois Lexa Graf Aehrenthal (1854–1912). – Gestalter der Geschichte Österreichs, Bd. 2. Innsbruck–Wien, 1962, S. 516.*

<sup>10</sup> Aus dem Nachlaß Aehrenthal, T. 2. Graz, 1994, S. 467.

наших с Германией отношений с Россией, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать угрозе установления англо-русской дружбы”<sup>11</sup>.

Эренталь был настроен на дальнейшее многостороннее сотрудничество с Россией, в частности и на Балканском полуострове. Сохранение политических связей с Россией позволило бы Австро-Венгрии поддерживать более устойчивую систему международных отношений и одновременно дистанцироваться от Германии с ее становившейся все более агрессивной внешней политикой.

Событием, с которого начался рост напряженности в австро-венгро-русских отношениях, стал Боснийский кризис 1908–1909 гг. Дунайская империя стремилась прочно обосноваться на Адриатическом побережье; для этого ей необходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г., эти земли находились под управлением Австро-Венгрии, но формально оставались в составе Турции. Статус территорий, оккупированных Австро-Венгрией в 1878 г., в составе империи был не определен: ни Цислейтания, ни Транслейтания не захотели взять Боснию и Герцеговину под свою опеку, опасаясь дальнейшей эскалации этнических и религиозных конфликтов: 42,9% населения этих областей составляли православные сербы, 21,3% – хорваты-католики, 35% – босняки, т.е. славяне-мусульмане, еще примерно 0,5% – иудеи. Однако аннексия Боснии и Герцеговины не только де-факто, но и де-юре могла бы, по мнению Эренталя, укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важной части Балканского полуострова. Начавшаяся в Османской империи Младотурецкая революция предоставила Вене шансы на успех.

19 августа 1908 г. на заседании кабинета министров Эренталь заявил, что настал выгодный момент для аннексии. По его словам, это можно было сделать, не вызвав серьезных внешнеполитических осложнений. Соблазн окончательно закрепить за Австро-Венгрией дополнительные территории был велик, но вместе с тем существовали опасения, что результатом аннексии Боснии и Герцеговины могла стать конфронтация с Россией. Эренталь полагал, что сумеет достигнуть компромисса с русскими: 16 сентября 1908 г. на переговорах в моравском замке Бухлау с министром иностранных дел России А.П. Извольским Эренталю удалось добиться обещания, что Санкт-Петербург не станет возражать против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Извольский писал своему помощнику Н. Чарыкову, что правительство Австро-Венгрии окончательно приняло решение об аннексии и рассчитывает на его признание Россией: “Решение Вены в ближайшее время объявить об аннексии Боснии и Герцеговины представляется окончательным и бесповоротным. Решение... не касается ни наших стратегических, ни экономических интересов”<sup>12</sup>. Ситуация на Балканах не должна была измениться кардинальным образом: Австро-Венгрия лишь окончательно забирала себе то, чем фактически уже владела 30 лет.

На встрече с Эренталем Извольский заявил, что Россия не станет возражать против аннексии Боснии и Герцеговины, если Австро-Венгрия, в свою очередь, поддержит требование Санкт-Петербурга изменить статус Босфора и Дарданелл: все суда России и других государств Черного моря могли бы входить и выходить через Проливы при сохранении принципа закрытия Проливов для военных судов других наций. Эренталь согласился, поскольку резонно полагал, что другие великие державы, в первую очередь Великобритания, не пойдут навстречу пожеланиям русских. Так и случилось.

Между тем сделка была неравноценной. Как писал советский историк академик В.М. Хвостов, “Эренталь получал синицу в руки, а продавал он русским – журавля в небе”<sup>13</sup>. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины после тридцатилетнего

<sup>11</sup> Ibid., S. 468.

<sup>12</sup> Извольский – Чарыкову. 16 сентября 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 123.

<sup>13</sup> История дипломатии, т. II, с. 653.

управления этими провинциями была шагом, логически объяснимым. Россия же Провансом никогда не владела и не могла самостоятельно решать вопрос их статуса<sup>14</sup>.

6 октября 1908 г. император Франц Иосиф I официально заявил о предстоящей аннексии. В то же время реакция западных держав на инициативу России оказалась более чем сдержанной. Франция и Англия показали русской дипломатии, “что дорога к мирному разрешению вопроса о Провансах идет из Санкт-Петербурга не через Берлин–Вену, а через Лондон–Париж, и показали это в самой решительной форме, не оставившей место для каких-либо сомнений и колебаний”<sup>15</sup>.

Аннексия Венной Боснии и Герцеговины 8 октября 1908 г. стала непосредственной причиной Боснийского кризиса и вызвала резко негативную реакцию со стороны Сербии и России. В ответ на эту аннексию правительства Сербии и Черногории объявили в своих странах мобилизацию. Правящие круги обоих государств полагали, что Босния и Герцеговина – это исторически сербские провинции и должны быть интегрированы в общесербское культурное пространство. Сербия при этом рассчитывала на всестороннюю поддержку своей союзницы России.

Извольский заявил, что Эренталь в Бухлау обманул его. Факт, что глава русской дипломатии согласился с экспансионистскими планами Вены, касавшимися земель, на которые претендовала Сербия, вызвал бурю негодования среди русских славянофилов. Извольский подвергся резкой критике в Государственной Думе, его обвиняли чуть ли не в предательстве. Однако Россия, ослабленная войной с Японией и революцией 1905–1907 гг., не могла воевать за интересы Сербии, особенно с учетом того, что из Берлина прозвучали заверения в безоговорочной верности Германии союзу с Дунайской монархией.

Германский канцлер Б. фон Булов назвал крупной ошибкой Извольского то, что тот в Бухлау прямо не спросил Эренталя, когда и в какой форме Вена намеревается аннексировать Боснию и Герцеговину. Ошибкой было и то, что ошеломленный Извольский вместо того, чтобы вернуться в Санкт-Петербург и защищать свою позицию перед царем и Думой, отправился объезжать европейские столицы<sup>16</sup>.

22 марта 1909 г. германский посол в России граф Ф. Пурталес вручил Извольскому предложения по разрешению кризиса, скорее напоминавшие ультиматум. России предлагалось дать немедленный и недвусмысленный ответ о согласии либо отказе признать аннексию Боснии и Герцеговины. Пурталес дал понять, что отрицательный ответ России повлек бы за собой нападение Австро-Венгрии на Сербию. Дополнительно было выдвинуто требование о прекращении Россией дипломатической поддержки Сербии.

Общественное мнение России целиком стояло на стороне балканских славян и требовало выступить на стороне Сербии. Однако в Вене полагали, что Санкт-Петербург не осмелится пойти на вооруженный конфликт с Австро-Венгрией. “Русский медведь, – считал Эренталь, – будет рычать, но не укусит”<sup>17</sup>.

Эренталь оказался прав. Царское правительство признало, что Россия к войне не готова. Министр финансов В.Н. Коковцев был против принятия решения, могущего привести к войне, губительной для денежной системы страны. Военный министр В.А. Сухомлинов утверждал, что русская армия реорганизуется и находится не в том положении, в котором она могла бы предпринять серьезную военную кампанию. Совет министров единодушно решил принять германское предложение. Николай II телеграфировал кайзеру Вильгельму II о согласии принять все германские требования. Это означало, что российская балканская политика потерпела полное фиаско, которое современники, памятуя о недавно завершившейся поражением России войны с Японией, называли “дипломатической Цусимой”.

<sup>14</sup> *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000, с. 77.

<sup>15</sup> *Провансы.* Сборник. М., 1923, с. 79.

<sup>16</sup> *Булов Б.* Воспоминания. М., 1935, с. 350.

<sup>17</sup> *Tyler M.* The European Powers and the Near East 1875–1908. Mineapolis, 1925, p. 205.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков писал, что “ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвели огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений”<sup>18</sup>. Действия Австро-Венгрии и Германии вызвали в России чувство враждебности к Вене и Берлину и заставили тех представителей политической элиты России, кто ранее колебался и сомневался, искать более тесного союза с Францией и Англией.

31 марта 1909 г. сербский посол в Вене передал Эренталю ноту, означавшую полное дипломатическое отступление Сербии. Боснийский кризис завершился. А 9 апреля 1909 г. Эренталь за заслуги перед отечеством получил титул графа.

Боснийский кризис и дипломатическое поражение России окончательно подорвали отношения Австро-Венгрии и России. Как и после Крымской войны, Россия затаила глубокую обиду и окончательно оттолкнула от себя Австро-Венгрию.

12 декабря 1911 г. Эренталь писал в секретной памятной записке об отношениях с Россией: “Император Николай, возможно, в силу заложенных в основу его принципов монархических убеждений и глубоких симпатий к всемилостивейшей персоне Нашего кайзеровско-королевского Апостолического Величества не отказался бы от совместных действий с нами, но у него слабый характер и он должен учитывать народные настроения”<sup>19</sup>. Надежда на восстановление союза с Российской империей не оставляла его: “Монархия... лишь ожидает момента, когда общее политическое положение или какая-либо особенная политическая ситуация в России окажут содействие ее сближению с нами. Следствием подобного сближения, которому венский кабинет незамедлительно пойдет навстречу, станет возможность восстановления близких связей между Монархией и Россией, возможность, которая всегда учитывалась венским кабинетом”<sup>20</sup>.

17 февраля 1912 г. Эренталь скончался. Факт, что именно при Эрентале отношения Австро-Венгрии и России окончательно испортились, можно считать горькой иронией истории. Эренталь лично всегда испытывал расположение к России, но как верный слуга своего императора он выше всего ставил интересы габсбургской монархии. Он использовал стечение обстоятельств, благоприятных для укрепления международных позиций своей страны, пусть даже ценой ухудшения отношений с Россией. Очевидно, Эренталь полагал, что локальный конфликт на Балканах не перерастет в большую войну. Боснийский кризис 1908–1909 гг., спровоцированный Австро-Венгрией, послужил прологом Первой мировой войны. Но судить о событиях 1908–1909 гг., зная о том, что произошло в 1914 г., было бы неверно: Эренталь, как и его современники, не могли знать о том, что своей политикой они приближают мировую катастрофу.

---

<sup>18</sup> Милюков П. Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. М., 1910, с. 305.

<sup>19</sup> Aus dem Nachlaß Aehrenthal, T.2, S. 760.

<sup>20</sup> Ibidem.